

## ЧТО ТАКОЕ ПСИХОЛОГИЯ?

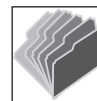
Выступление на конференции 18 декабря 1956 г.  
в Философском колледже в Париже<sup>1</sup>

*ЖОРЖ КАНГИЛЕМ*

Вопрос «Что такое психология?» для психолога кажется еще более затруднительным, чем вопрос «Что такое философия?» для философа. Ведь философию вопрос о ее смысле и сущности конституирует, но не навязывает определенного ответа. Тот факт, что этот вопрос постоянно возрождается, отсутствие на него удовлетворительного ответа служат для каждого, кто хотел бы назвать себя философом, основанием для смирения, но не поводом к оскорблениям. В то же время для психологии вопрос о ее сущности или, если выразиться скромнее, о ее понятии, ставит под сомнение само существование психолога: если он бессилен дать точный ответ на вопрос, что же он есть, то затруднительно определить и то, чем он занимается. И только в эффективности его деятельности, которая, впрочем, весьма спорна, следует искать обоснование его значимости как специалиста, значимости, которая, не в обиду будет сказано, вызвала бы у философа комплекс неполноценности.

Утверждая, что эффективность психологии спорна, мы вовсе не имеем в виду, что она иллюзорна; хотелось бы только заметить, что эта эффективность, несомненно, имеет слабое обоснование, так как ее доказательство не основано на научности; иными словами, статус психологии не установлен таким образом, чтобы ее можно было принимать за что-то большее и лучшее, чем разнородный эмпиризм, литературно систематизированный в педагогических целях. Создается впечатление, что большая часть работ по психологии представляет собой смесь философии без строгости с этикой без требований и медициной без контроля. Философия без строгости, так как здесь эклек-

<sup>1</sup> Revue de Métaphysique et de Morale. 1958. № 1.



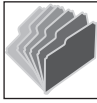
тика используется под предлогом объективности; этика без требований, так как этологический опыт принимается без критики, так же, как, например, исповедником, воспитателем, командиром, судьей; медицина без контроля, так как из трех самых непонятных и в наименьшей степени поддающихся лечению заболеваний – кожных, нервных и психических – именно изучение и врачевание двух последних постоянно снабжают психологию наблюдениями и гипотезами. Следовательно, спрашивая «Что такое психология?», мы задаем все не неуместный и не пустой вопрос.

Единство, характерное для понятия той или иной науки, долгое время пытались установить через ее предмет. Предмет диктовал метод изучения своих собственных свойств. Но по сути это означало, что наука ограничивалась изучением некоторого данного, исследованием некоторой области. Когда же выяснилось, что каждая наука в большей или меньшей степени сама определяет свои данные и в силу этого факта присваивает то, что называется ее областью, то понятие (concept) науки в большей степени стало определяться ее методом, нежели предметом. Точнее, выражение «предмет науки» обрело новый смысл. Это уже не просто специфическая область проблем, препятствий, которые нужно преодолеть, но и цели и намерения субъекта науки, это – конкретный проект, определяющий теоретическое сознание как таковое.

На вопрос «Что такое психология?» мы могли бы ответить, заставив проявиться единство сферы ее деятельности вопреки множественности ее методологических проектов. Именно к такому типу принадлежит блестящий ответ, данный профессором Даниэлем Лагашем в 1947 г. на вопрос, заданный Эдуаром Клапаредом в 1936 г.<sup>2</sup> Возможное определение искомого единства психологии дается как общая теория поведения, синтез экспериментальной, клинической, социальной психологий, психоанализа и этнологии.

Однако при более подробном рассмотрении можно заметить, что это единство больше похоже на соглашение о мирном сосуществовании, заключенное между специалистами, чем на логически выведенное из обнаруженных в частных случаях закономерностей основание. Создается впечатление, что из двух тенденций, между которыми профессор Лагаш пытается установить твердое согласие – натуралистической (экспериментальная психология) и гуманистической (клиническая психология), – вторая представляется более весомой, что, несомненно, объясняет отсутствие психологии животных в этом обзоре враждующих сторон. Не возникает сомнений, что психология животных включена в экспериментальную психологию, которая по большей части ею и является, но там она фигурирует в качестве материала, к которому применяется определенный метод. И действительно, психология может называться экспериментальной только в силу своего

<sup>2</sup> L'unité de la psychologie. P. : P.U.F., 1949.

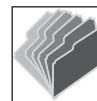


метода, а не на основании ее предмета. В то же время вопреки всем видимым проявлениям именно по своему предмету, а не методу психология называется клинической, психоаналитической, социальной или этнологической. Все эти прилагательные обозначают один и тот же предмет исследования, коим является человек – существо говорливое или молчаливое, общительное или необщительное. Поэтому можно ли в строгом смысле говорить об общей теории поведения, пока мы окончательно не решили вопрос о том, есть ли преемственность или разрыв между человеческим языком и языком животных, человеческим и животным обществом? И вполне вероятно, что по этому вопросу принимает решение не философия, а наука или многие науки, включая психологию. Но тогда психология не может самоопределяться за счет предвосхищения того, о чем она призвана выносить суждение. Без этого психология, предлагая себя в качестве общей теории поведения, неизбежно присваивает определенную идею человека. Поэтому философии позволительно спросить у психологии, откуда она взяла эту идею и не принадлежит ли на самом деле эта идея какой-нибудь философии.

Мы, не будучи психологами, хотим подойти к этому фундаментальному вопросу с другой стороны, т.е. исследовать, является ли такое единство проекта способным сообщить вероятностное единство дисциплинам различных типов, называемым психологическими. Но наше исследование требует некоторого отступления. Найти, где пересекаются эти разные области, можно посредством их отдельного рассмотрения и сравнения в настоящем (на протяжении десятилетия в случае профессора Лагаша). Чтобы обнаружить, пересекаются ли эти проекты, требуется высвободить смысл каждого из них не тогда, когда он уже утерян в автоматизме исполнения, но когда он появляется из ситуации, которая его порождает. Поиск ответа на вопрос «Что такое психология?» обязывает нас сделать набросок истории психологии, но, конечно, рассмотренной только в отношении ее направлений, в ее связи с историей философии и наук, т.е. такой истории психологии, которая была бы необходимо телеологической, поскольку она обязана привести к постановке вопроса об исходном смысле, предполагающем различные дисциплины, методы или предприятия, чье актуальное несоответствие легитимирует данный вопрос.

#### I. Психология как естественная наука

Хотя этимологически психология означает науку о душе, следует заметить: как независимая область исследования, по идее и по факту, она отсутствовала в античных философских системах, в которых *psyche*, душа понималась как естественная сущность. Исследования, относящиеся к душе, располагаются в этих системах между метафизикой, логикой и физикой. Трактат Аристотеля «О душе» на самом



деле представляет собой трактат по общей биологии, т.е. один из трудов, посвященных физике. После Аристотеля в соответствии с традицией его школы в программе курсов философии вплоть до начала XVII в. рассуждения о душе все еще помещались в главу по физике<sup>3</sup>. Предмет физики – это природное и организованное тело, обладающее жизнью в потенции, так что физика рассматривает душу как форму живого тела, а не как субстанцию, отделенную от материи. С этой точки зрения исследование органов познания, т.е. внешних чувств (обычно их пять) и внутренних чувств (здоровый смысл, фантазия, память), ничем не отличается от исследования органов дыхания или пищеварения. Душа – это естественный объект исследования, одна из форм в иерархии форм, даже если ее сущностная функция заключается в познании форм. Наука о душе является периферийной областью физиологии в ее первоначальном и универсальном смысле теории природы.

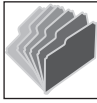
Именно к такой концепции неразрывно восходит один из аспектов современной психологии – психофизиологии, долгое время понимаемой как психоневрология (но сегодня, напротив, как психоэндокринология), – и психопатологии как медицинской дисциплины. В этом отношении небесполезно напомнить, что до двух революций, Гарвея и Лавуазье, которые позволили появиться современной психологии, была не менее важная революция в теории кровообращения или дыхания, которой мы обязаны Галену, когда он вопреки аристотелевской доктрине и следуя врачам Александрийской школы Герофилу и Эрасистрату, а также предвосхищениям Алкмеона, Гиппократу и Платона, медицинским и экспериментальным путем обосновал, что именно мозг, а не сердце является органом ощущения и движения, равно как и вместилищем души. Гален поистине положил начало непрерывающейся, длящейся несколько столетий цепочке исследований по эмпирической пневматологии, в которой фундаментальной частью является теория животных духов, развенчанная и замененная к концу XVIII в. электроневрологией. Однако решительно плюралистичная концепция отношений между психическими функциями и церебральными органами Галля исходит из теории Галена и доминирует, несмотря на свою экстравагантность, над всеми исследованиями по мозговой локализации функций в течение первых 60 лет XIX в. до Брока включительно.

В общем в части психофизиологии и психопатологии сегодняшняя психология все еще восходит ко II в.

## II. Психология как наука о субъективности

Закат аристотелевской физики в XVII в. отмечает конец психологии как парафизики, науки о естественном объекте, и одновременно

<sup>3</sup> См.: *Scriptio Du Pleix. Corps de Philosophie contenant la Logique, la Physique, la Métaphysique et l'Étique*. Genève, 1636.



рождение психологии как науки о субъективности. В действительности ответственны за пришествие современной психологии как науки о подвешенном субъекте физики-механицисты XVII в.<sup>4</sup>

Если реальный мир больше не смешивается с содержанием восприятия, если реальность получена и установлена посредством устранения иллюзий обычного чувственного опыта, качественный остаток этого опыта в силу того, что возможна и фальсификация реальности, входит в сферу ответственности духа, т.е. субъекта опыта, и в то же время не идентифицируется с математическим или механистическим разумом, инструментом истины и мерой реальности.

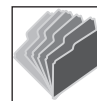
Но в глазах физиков эта ответственность является виной. Психология устанавливается, таким образом, как предприятие по оправданию духа. Ее проект является проектом науки, которая перед лицом физики объясняет, почему дух по своей природе принужден обманывать разум относительно реальности. Психология становится физической внешнего чувства, чтобы дать объяснение ошибкам, которые механистическая физика ставит в вину чувствам при отправлении ими функции познания.

**А. Физика внешнего чувства.** Следовательно, психология как наука о субъективности начинается как психофизика в силу двух причин. Во-первых, потому что она не может быть меньше, чем физика, чтобы быть принятой всерьез физиками. Во-вторых, потому что она должна отыскать в природе, т.е. в структуре человеческого тела, основание для существования ирреальных остатков человеческого опыта.

Но все же возвращение античной концепции науки о душе как ветви физики исходит не из этого. Новая физика – это исчисление. И психология пытается ей подражать. Она стремится определить количественные константы ощущений и отношения между этими константами.

Декарт и Мальбранш являются ее главными представителями. В «Правилах для руководства ума» (XII) Декарт предлагает свести качественные различия между чувственными данными к различию геометрических фигур. Здесь речь идет о чувственных данных как таковых в прямом смысле слова: информации об одном теле, получаемой другими телами; то, что получает информацию из внешних чувств, это внутреннее чувство – «фантазия, являющаяся не чем иным, как реальным и обладающим фигурой телом». В Правиле XIV Декарт явно обращается к тому, что Кант назовет возрастающей интенсивностью ощущений («Критика чистого разума», трансцендентальная аналитика, антиципации восприятия): сравнения степеней света, звука и т.д. могут быть выражены в качестве точных отношений только посредством аналогии с протяженным телом, обладающим фигурой.

<sup>4</sup> См.: *Gurwitsch A. Développement historique de la Gestalt-Psychologie. Thalès, II année, 1935. P. 167–175.*



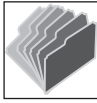
Если еще добавить, что Декарт, хотя о нем и нельзя говорить как о собственно изобретателе термина и концепта рефлекса, тем не менее установил постоянную связь между раздражением и реакцией, то очевидно, что психология, понятая как математическая физика внешнего чувства, начинается с него, чтобы закончиться на Фехнере, благодаря поддержке физиологов типа Германа Гельмгольца, вопреки и несмотря на кантианские предостережения, в свою очередь критикуемые Гербартом.

Этот вид психологии расширяется Вундтом благодаря экспериментальной психологии, поддерживаемой в его работах надеждой на то, что посредством законов «фактов сознания» возникнет аналитический детерминизм того же типа, что позволял физике и механике надеяться на универсальную действенность любой науки.

Фехнер умирает в 1887 г., за два года до диссертации Бергсона «Опыт о непосредственных данных сознания» (1889). Вундт умирает в 1920 г., оставив после себя учеников. Некоторые из них все еще живы и участвовали в первых атаках гештальт-психологов на аналитическую физику внешних ощущений, одновременно экспериментальную и математическую, в соответствии с содержанием наблюдений Эренфельса за гештальт-качествами (*Über Gestaltqualitäten*, 1890), которые были близки проведенному Бергсоном анализу воспринимаемых целостностей как органических форм, доминирующих над своими предполагаемыми частями (Опыт, гл. 2).

**В. Наука о внутреннем чувстве.** Но наука о субъективности не сводится к разработкам в области физики внешних ощущений, она предстает и как наука о самосознании или о внутреннем чувстве. Именно с XVIII в. термин «психология» принимает значение науки о Я (Вольф). Вся история этой психологии может быть написана как история неверных истолкований, причиной которых стали «Размышления» Декарта, так и не признанные ответственными за это.

Когда Декарт в начале третьего Размышления рассматривает свой «внутренний мир», ставя задачу лучше и надежнее узнать самого себя, его рассуждение направлено на мысль. Картезианский внутренний мир, сознание *Ego cogito* – это прямое знание души о самой себе как о чистом рассудке. «Размышления» названы Декартом метафизическими, потому что они претендуют на то, чтобы напрямую достичь природы и сущности *Я мыслю* в непосредственном схватывании опыта. Картезианское рассуждение не является личным откровением. Рефлексия, которая придает знанию о Я строгость и имперсональность математических наук, не является наблюдением себя, которое спиритуалисты начала XIX в. не побоятся приписать и Сократу, чтобы Пьер-Поль Руайе-Коллар смог заверить Наполеона I, что *Познай себя, Cogito* и *Интроспекция* послужат трону и алтарю неприступным основанием.



Картезианский внутренний мир не имеет ничего общего с внутренним чувством последователей Аристотеля, «которое воспринимает свои объекты внутренне, как помещенные в голову»<sup>5</sup> и которое Декарт полагает одним из видов тел (Правило XIII). Поэтому Декарт говорит, что душа познает саму себя непосредственно и проще, чем тело. Именно в этом утверждении, которое слишком часто игнорируют, содержится явная полемика, так как, согласно последователям Аристотеля, душа не узнает себя непосредственно. «Познание души не осуществляется напрямую, но только посредством рефлексии. Ибо душа подобна глазу, который видит все, но может увидеть самого себя только в рефлексии, как в зеркале... и равным образом душа видит саму себя и знает о себе посредством рефлексии и наблюдения своих действий»<sup>6</sup>. Этот тезис вызвал возмущение у Декарта, когда Гассенди приводит его в своих возражениях против Третьего размышления, на которое он отвечает: «Вовсе не глаз видит самого себя или зеркало, а дух, который лишь один познает и зеркало, и глаз, и самого себя».

Но это решительное замечание не смогло покончить со схоластическим аргументом. Мен де Биран вновь оборачивает его против Декарта в «Заметках о разложении мышления» (*Mémoire sur la décomposition de la pensée*). О. Конт использует его, выступая против интроспекции, т.е. против метода самопознания, который Пьер-Поль Руайе-Коллар заимствует у Рида с целью сделать из психологии научную пропедевтику к метафизике, экспериментальным путем обосновывая традиционные тезисы спиритуалистического субстанциализма<sup>7</sup>. Даже Курно при всей своей проницательности не пренебрегает этим аргументом для подтверждения идеи, что психологическое наблюдение больше касается поведения другого, чем Я наблюдателя, что психология является скорее мудростью, чем наукой, и что «природа психологических фактов такова, что они лучше переводятся в афоризмы, чем в теоремы»<sup>8</sup>.

Именно то, что оказалось непризнанным в учении Декарта, в то же самое время стало основой противоположной ему эмпирической психологии как естественной истории Я – от Локка к Рибо, через Кондильяка, французских идеологов и английских утилитаристов – и установило, уже согласно ему, как можно предположить, рациональную психологию, основанную на интуиции субстанциального Я.

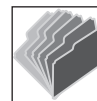
Сегодня за Кантом еще сохраняется слава доказательства того, что если Вольф и смог окрестить своих новорожденных посткартезианцев (*Psychologia empirica*, 1732; *Psychologia rationalis*, 1734), то ему все же не удалось обосновать их претензии на легитимность. Кант по-

<sup>5</sup> Scription Du Pleix. Op. cit. Physique. P. 439.

<sup>6</sup> Ibid. P. 353.

<sup>7</sup> Cours de Philosophie positive. I<sup>er</sup> Leçon.

<sup>8</sup> Essai sur les fondements de nos connaissances. 1851. § 371–376.

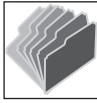


казывает, с одной стороны, что феноменальное внутреннее чувство является всего лишь формой эмпирической интуиции, которую он смешивает с временем, а с другой стороны, что Я, субъект всех суждений апперцепции, является функцией организации опыта и в его отношении наука невозможна, так как оно является трансцендентальным условием любой науки. «Метафизические начала естествознания» (1786) оспаривают статус научности психологии как по образу математики, так и по образу физики. Нет никакой возможной математической психологии, в том смысле, в котором существует математическая физика. Даже если на основании антиципаций восприятия, относящихся к интенсивным величинам, мы применили бы к модификациям внутреннего чувства методы непрерывной математики, мы добились бы того же результата, что и в геометрии, ограниченной изучением свойств прямой линии. Также не может быть и экспериментальной психологии в том смысле, в котором химия основывается на использовании анализа и синтеза. Мы не можем ставить опыты ни в отношении себя, ни в отношении других. Внутреннее наблюдение искажает свой объект. Желание узнать о себе посредством самонаблюдения приводит к отчуждению. Поэтому психология может быть только дескриптивной. Ее истинное место находится в антропологии как пропедевтике к теории способностей и благоразумия (*prudence*), увенчанной теорией мудрости.

**С. Наука об интимном чувстве.** Если классическая психология – это та, от которой есть намерение отказаться, то следует заметить, что в психологии каждый найдет для себя своих классиков. Идеологи, наследники сенсуалистов, могли считать классикой шотландскую психологию, которая, как и они сами, проповедовала индуктивный метод, чтобы лучше обосновать, отталкиваясь от них, субстанциальность духа. Но атомистическая и аналитическая психология сенсуалистов и идеологов<sup>9</sup>, прежде чем быть отброшенной как классическая психология теоретиками гештальт-психологии, уже считалась таковой романтиком психологом Мен де Бираном. Согласно ему, психология становится техникой интимного дневника и наукой об интимном чувстве. Одиночество Декарта было аскезой математика. Одиночество Мен де Бирана – это праздность супрефекта. Картезианское *Я мыслю* формирует мысль в себе. *Я хочу* Мен де Бирана формирует сознание для себя, против внешнего мира. В своем законопаченном кабинете Мен де Биран делает открытие, что психологический анализ состоит не в упрощении, а в усложнении и что первоначальный психический факт является не элемен-

<sup>9</sup> Под идеологами здесь имеется в виду группа французских философов эпохи Просвещения, возглавляемая Антуаном Дестютом де Траси (1754–1836). Целью группы было создание особой науки о происхождении и развитии человеческих идей, их общих законах и способах символического выражения – «идеологии». – *Прим. перев.*



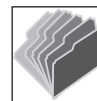


том, а уже отношением, и что это отношение переживается как усилие. Он приходит к двум заключениям, неожиданным для человека, отправляющего властные функции, т.е. отдающего приказы: сознание требует конфликта власти и сопротивления; человек является, как об этом думал Бональ, не умом (intelligence), снабженным органами, а живым организмом, снабженным умом. Следовательно, душе необходимо быть воплощенной, поэтому не существует психологии без биологии.

Самонаблюдение вовсе не избавляет от использования ни психологии волевого движения, ни эмоциональной патологии. Ситуация Мен до Бирана между двумя Руайе-Колларами уникальна. Он вел диалог с теоретиком и о нем высказал суждение психиатр. От Мен де Бирана нам осталась «Прогулка с месье Руайе-Колларом в Люксембургском саду», а от Антуана-Атанаса Руайе-Коллара, младшего брата последнего, «Исследование доктрины Мен де Бирана»<sup>10</sup>. Если бы Мен де Биран никогда не читал и не обсуждал Кабаниса («Отношения физического и духовного в человеке, 1789), если бы он никогда не читал и не обсуждал Биша (Исследование жизни и смерти, 1800), то он не вошел бы в историю психопатологии, как это в итоге случилось. Второй Руайе-Коллар, уже после Пинеля и вместе с Эскиролем, является одним из основателей французской школы психиатрии.

Пинель отстаивал идею, что умалишенные являются такими же больными, как и другие, а не одержимыми или преступниками, однако отличными от других, а значит, должны лечиться отдельно от остальных и отдельно, в зависимости от их заболевания, в специализированных медицинских учреждениях. Пинель основал психическую медицину как отдельную дисциплину, начав с терапевтической изоляции душевнобольных в Бисетре и Сальпетриере. Руайе-Коллар подражает Пинелю в Национальной больнице Шарантон, где он становится главным врачом в 1805 г., в том же году Эскироль защищает диссертацию по медицине «Страсти, рассматриваемые как причины, симптомы и средства к выздоровлению душевнобольных». В 1821 г. Руайе-Коллар становится профессором судебной медицины Медицинского факультета в Париже, а затем, в том же 1821 г., первым заведующим кафедрой психической медицины. У Руайе-Коллара и Эскироля были ученики: Кальмей, изучавший паралич у душевнобольных, Бейль, признавший и изолировавший общий паралич, Феликс Вуазан, с которого началось изучение умственной отсталости у детей. Именно в Сальпетриере после Пинеля, Эскироля, Лелю, Байарже и Фальре, между прочим, Шарко в 1862 г. стал заведующим отделением, трудам которого последуют Теодюль Рибо, Пьер Жане, Кардинал Мерсье и Зигмунд Фрейд.

<sup>10</sup> Сочинение опубликовано его сыном, Гиацинтом Руайе-Колларом (Anales Médico-Psychologiques, 1843. Т. II. P. 1).



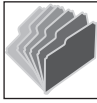
Мы увидели, что психопатология берет свое начало с Галена, мы видим, что она заканчивается на Фрейде, который в 1896 г. создает термин «психоанализ». Психопатология развивалась не в отрыве от других психологических дисциплин. Благодаря исследованиям Мен де Бирана она вынуждает философию уже более века задаваться вопросом, у которого из двух Руайе-Колларов должна она заимствовать идею о том, чем же занимается психология. Одновременно психопатология является судьей и предметом непрерывных дебатов, направление которых метафизика передала психологии, не отказываясь добавить свое слово в отношении физического и психического. Когда-то это отношение было определено как соматопсихическое, а потом стало психосоматическим. Этот переворот, впрочем, носит тот же характер, что и переворот в отношении значения бессознательного. Если мы отождествляем психику и сознание, ссылаясь, справедливо или нет, на Декарта, бессознательное принадлежит порядку психического. Если мы думаем, что какая-то часть психики может принадлежать бессознательному, психология не сводится к науке о сознании. Психика – это уже не просто то, что скрыто, но то, что скрывается и что скрывают, и это больше не интимность, а, согласно термину, взятому Боссюэ у мистиков, абиссальное. Психология уже не является наукой об интимности, но наукой о глубинах души.

### III. Психология как наука о реакциях и поведении

Предлагая определить человека как живой организм, снабженный умом (*intelligence*), Мен де Биран сначала обозначил территорию, на которой должна была обосноваться новая психология XIX в. Он, кажется, сделал это лучше, чем Галль, по которому, согласно Лелю, «человек – это не ум, но воля, снабженная органами»<sup>11</sup>. В то же время он задал психологии и границы, так как в своей «Антропологии» расположил человеческую жизнь между жизнью животной и жизнью духовной.

В XIX в. психология устанавливается как нервная и психическая патология, как физика внешних чувств, как наука о внутреннем и интимном чувстве, биология человеческого поведения. Основания этого представляются нам следующими. Сначала научные основания, знание об организации биологии как общей теории отношений между организмами и средой, которая отмечает конец веры в отдельное царство человека; затем технические и экономические основания, знание о развитии индустриального режима, обращающего внимание на индустриальные свойства человеческой природы, которое отмечает конец веры в самодостаточность спекулятивной мысли; наконец, поли-

<sup>11</sup> Qu'est-ce que la phrénologie? Essai sur la signification et la valeur des systèmes de psychologie en général et de celui de Gall en particulier. P., 1836. P. 401.



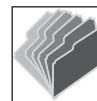
тические основания, в которых подводится итог отмиранию веры в ценности социальных привилегий и распространению эгалитаризма: воинская повинность и народное образование становятся делом государства, требование равенства в военных обязанностях и гражданских функциях (каждому по работе, по труду или по заслугам) является реальным основанием, хотя часто остается незамеченным, свойственным для современных обществ феномена: распространенная практика экспертизы, в широком смысле как определение компетенций и выявление симуляций.

То, что, по нашему мнению, характеризует такую психологию поведения в отношении других типов психологических исследований, – это ее конститутивная неспособность ухватить и предъявить во всей ясности свой учреждающий проект. Если среди учреждающих проектов некоторых предыдущих типов психологий иные смогли бы сойти за философские бессмыслицы, здесь, напротив, в результате отказа от философской теории как таковой возникает вопрос о том, откуда такое психологическое исследование могло бы позаимствовать свой смысл. Принимая решение стать под руководством биологии объективной наукой об установках, реакциях и поведении, такая психология и такие психологи совершенно забывают позиционировать свое специфическое поведение по отношению к историческим обстоятельствам и социальной среде, в которых они вынуждены предлагать свои методы и техники и убеждать воспользоваться их услугами.

Ницше, делая набросок психологии психолога XIX в., пишет: «У нас – психологов будущего мало охоты к самонаблюдению. Мы считаем почти что признаком вырождения, когда орудие стремится “познать само себя”; мы – орудия познания, и нам следует обладать всей наивностью и точностью инструмента, следовательно, мы не должны анализировать себя, “познавать” себя»<sup>12</sup>. Удивительное недоразумение и такое разоблачение! Психолог хочет быть всего лишь орудием, а не узнать, орудием кого и чего он является. Ницше кажется более вдохновленным, когда в начале «Генеалогии морали» он обращается к загадке, которую представляют собой английские психологи, т.е. утилитаристы, занятые генезисом моральных чувств. Он задается вопросом, что побуждало психологов к такому цинизму, как объяснение человеческого поведения интересом, пользой и забвением своих фундаментальных мотиваций. И вот, рассматривая повадки психологов XIX в., Ницше предварительно отказывается от любого цинизма, т.е. от всякой ясности!

Идея пользы как принцип психологии держалась на философском понимании человеческой природы как способности к искусственному (Юм, Берк), а говоря более прозаично, к определению чело-

<sup>12</sup> Цит. по: Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М., 2005. С. 246. – Прим. перев.

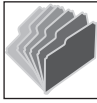


века как создателя орудий (энциклопедисты, А. Смит, Б. Франклин). Но принцип биологической психологии поведения также не представляется свободным от откровенно философского понимания сознания, потому что он, несомненно, может быть задействован лишь при условии, что останется несформулированным. Этот принцип заключается в определении самого человека как орудия. За утилитаризмом с его идеей пользы для человека, где идея человека судит о пользе, следует инструментализм с идеей пользы человека, идеей человека как средства для получения пользы. Ум теперь является не тем, что создает органы и использует их, а тем, что служит органам. И вовсе не случайно, что исторические корни психологии реакций нужно искать в трудах, вызванных открытием личных свойств, влияющих на восприятие, присущих астрономам, использующим телескоп (Маскелайн, 1796). Сначала человек изучается как инструмент научного инструмента, прежде чем стать инструментом любого инструмента.

Исследование законов адаптации и обучения, отношений обучения и установок, обнаружения и измерения установок, условий эффективности и продуктивности (идет ли здесь речь об индивиде или группе) – исследования, неотделимые от их применений при отборе или ориентировании – все принимают общий имплицитный постулат: природа человека заключается в том, что он есть орудие, его назначение – быть установленным на свое место, выдрессированным для выполнения своей задачи.

Конечно, у Ницше есть основания говорить, что психологи хотят стать «наивными и точными инструментами» такого исследования человека. Они вынуждены стремиться к объективному знанию, даже если тот детерминизм, который они пытаются найти в поведении, сегодня больше не является детерминизмом ньютоновского типа, с которым имели дело физики XIX в., но скорее статистическим детерминизмом, прогрессивно основывающимся на результатах биометрии. Но какой смысл у этого инструментализма в квадрате? Что побуждает или склоняет психологов, находясь среди людей, делать себя инструментами, чтобы обращаться с людьми как с инструментами?

В психологии других типов душа или субъект, естественная форма или сознание своей внутренней жизни, является принципом, с помощью которого обосновывается некая ценность идеи человека в связи с истинностью вещей. Но для психологии, в которой слово «душа» изгоняется, а сознание высмеивается, истина человека дана в том факте, что больше нет ни идеи, ни ценности человека, отличных от идеи и ценности инструмента. Для возможности задать вопрос об идее инструмента нужно, чтобы каждая идея не носила инструментальный характер, а для возможности наделить инструмент некоторой ценностью нужно уточнить, что любая ценность не является ценностью инструмента, ценность которого носит подчиненный характер и состоит в том, чтобы добиться чего-то другого. Следовательно, если психолог не

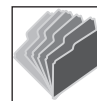


черпает свой проект психологии из какой-либо идеи человека, верит ли он в возможность легитимировать этот проект посредством своего поведения, направленного на использование человека (*utilisation de l'homme*)? Мы скажем: посредством своего поведения использования с двумя возможными оговорками. Действительно, можно заметить, с одной стороны, что такой тип психологии не игнорирует разницу между теорией и применением, а с другой – что использование является делом не психолога, а того или тех, кто требует от него отчетов и диагностик. Мы ответим, что чем путать теоретика психологии и профессора психологии, нужно признать, что современный психолог чаще всего является профессиональным практиком, вся «наука» которого вдохновлена поиском «законов» адаптации к социотехнической, а не к естественной среде, что всегда придает его манипуляциям «измерения» значение оценки и статус экспертизы. Таким образом, поведение психолога человеческого поведения чуть ли не необходимо заключается в убеждении в собственном превосходстве, в своей возможности управлять отношениями человека с человеком, в сознании правителя, поэтому можно прийти к следующему циничному вопросу: кто назначает психологов инструментами инструментализма? По какому признаку можно опознать тех, кто достоин предписывать человеку-инструменту его роль и функцию? Кто направляет тех, кто направляет?

Само собой, мы не заходим в область их возможностей и техник. Так как есть хорошие и плохие психологи, т.е. искусные техники, прошедшие обучение, или неумехи в силу их глупости, не выявленной законом, вопрос заключается не в этом. Вопрос заключается в том, почему наука или научная техника не содержит в самой себе никакой идеи, которая придавала бы ей смысл? В своем «Введении в психологию» Поль Гийом подверг психологию человека тестовому испытанию. Испытуемый защищался от такого исследования, опасаясь, что к нему применят те же действия. Гийом увидел в таком состоянии духа имплицитное признание эффективности такого теста. Но здесь можно увидеть и эмбрион психологии тестирующего. Защита тестируемого – это нежелание, чтобы с ним обращались как с насекомым, особенно со стороны человека, за которым не признается право указывать, кто он и что он должен делать. «Обращаться как с насекомым» – выражение Стендаля, заимствованное им у Кювье<sup>13</sup>. А что если мы сами будем обращаться с психологом как с насекомым; что если мы, например, применим рекомендацию Стендаля к мрачному и скучному Кинзи?

Иначе говоря, психология реакций и поведения в XIX и XX вв. поверила в свою независимость, отделившись от любой философии, т.е.

<sup>13</sup> «Вместо того чтобы ненавидеть книготорговца из соседнего городка, который продает Народный альманах, – сказал я своему другу месье де Ранвиллю, – воспользуйтесь средством, предложенным знаменитым Кювье: обращайтесь с ним как с насекомым. Изучите, как он обеспечивает себе пропитание, попробуйте догадаться, как он занимается любовью» (*Mémoires d'un Touriste*, Calmann-Lévy. Т. II. P. 23).



от спекуляции, которая ищет идею человека, заглядывая за пределы биологических и социологических данных. Но такая психология не может избежать применения своих результатов о поведении к тем, кто их получил. И вопрос «Что такое психология?» в той мере, в какой философии запрещено искать на него ответ, становится вопросом «Куда хотят прийти психологи, занимаясь тем, чем они занимаются? Во имя чего они стали психологами?» Когда Гедеон набирает войско израильтян, во главе которого он изгоняет мадианитян за Иордан (Ветхий завет. Книга судей Израилевых; XIII), то использует двуступенчатый тест, который позволяет ему сначала оставить 10 тысяч мужей из 30 тысяч, а потом 300 из 10 тысяч. Но этот тест обязан Всевышнему и своим результатом, и процессом отбора. Чтобы выбрать того, кто будет выбирать, обычно нужно выйти за рамки технических приемов отбора. Сохраняется внутренне присущий научной психологии вопрос: кто наделен не компетенцией, но миссией быть психологом? Психология все еще зиждется на раздвоении, но это не раздвоение между сознанием, следующим за фактами, и идеей человека, включающей нормы, это раздвоение между массой «субъектов» и корпоративной элитой специалистов, жалующих самим себе эту миссию.

У Канта и Мен де Бирана психология относится к антропологии, т.е., несмотря на очень модную сегодня двусмысленность данного термина, к философии. У Канта общая теория человеческих способностей связана с теорией мудрости. Инструменталистская психология в качестве общей теории способностей остается вне всякой связи с мудростью. Если мы не можем определить эту психологию через идею человека, т.е. расположить психологию в рамках философии, мы, конечно, не имеем возможности запретить кому бы то ни было называть себя психологом и обозначать психологией то, чем он занимается. Но в то же время никто не может запретить философии продолжать ставить вопрос о плохо определенном статусе психологии, причем с точки зрения как науки, так и техники. Делая это, философия ведет себя с присущей ей наивностью, так мало похожей на глупость, но не исключает предусмотрительный цинизм и снова приходит обратно, теперь со стороны общедоступной, т.е. естественной для неспециалистов.

Конечно, весьма тривиально со стороны философии спрашивать психологию: скажите, к чему вы стремитесь, чтобы узнать, что вы такое? Но философ может обратиться к психологу в другой форме, на этот раз необычной – в виде направляющего совета, и сказать: когда выходишь из Сорбонны на улицу Сен-Жак, можно подняться или спуститься; если подниматься, то движешься в сторону Пантеона – усыпальницы выдающихся людей Франции, но если спуститься, то придешь прямо к префектуре полиции.

*Перевод с французского Т.Д. Соколовой*